

та города польско-литовскими отрядами в 1612 году. Параллель между событиями начала XVII века и современностью реализует авторское представление о неизбежной повторяемости Великой Смуты в судьбе России.

Выводы.

В трилогии выражено отношение к городу как средоточию сил, разрушающих нравственную цельность человека. Городские декорации оттеняют растерянность и незащитность перед лицом перемен крестьянина – трагического героя «железного» XX века. Именно город как изоморф государства несет

ответственность за исчезновение Шибанихи и сотен подобных ей деревень с лица земли.

Литература

1. Аркатова, Т. Е. Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Аркатова. – Владивосток, 2008.
2. Белов, В. И. Кануны // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 т. – М., 2011. – Т. 3.
3. Белов, В. И. Год великого перелома. Час шестой // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 т. – М., 2012. – Т. 4.

УДК 811.161.1

М. И. Черняева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е. Н. Ильина
Вологодский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЬНИЦЫ РУССКОГО СЕВЕРА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (проект МК-5977.2015.6 «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»)

В статье рассматривается проблематика изучения диалектной языковой личности в контексте проблем современной диалектологии. Материалом для исследования служат записи бытовой речи М. И. Большаковой, жительницы Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. С помощью метода речевого портретирования описываются когнитивный, вербально-семантический и прагматический уровни реализации диалектной языковой личности.

Диалектная языковая личность, вологодские говоры.

The article deals with the problematics of studying a dialectal language personality in the context of problems of modern dialectology. Everyday speech recordings of M. I. Bolshakova, a resident of Kichmengsko-Gorodetsky district of Vologda region serve as material for the research. Using the method of verbal portraiture, cognitive, verbal-semantic and pragmatic levels of the dialectal language personality are described.

Russian dialectology, language personality, dialectal language personality, Vologda dialects.

Введение.

Антропоцентризм современного гуманитарного знания определил особый интерес к исследованию языковой личности: определению сущности этого феномена, описания уровней его реализации, изучения всего многообразия типов языковой личности, определяемого ее биологическими, социальными и культурными особенностями [1], [4], [5], др. Лингвоперсонологические проблемы оказались весьма актуальными и для диалектологии – отрасли научного знания, изучающей территориальные разновидности языка. Ее предметом изучения стала диалектная языковая личность – совокупность устойчивых свойств человека, находящихся отражение в диалектной речи.

В настоящее время диалектная лингвоперсонология располагает значительным корпусом записей устной речи [3], [10]. На их основе созданы опыты

теоретико-методологического описания данного феномена [3], идиодialeктные словари [9], [7] и др., методические разработки для обучения студентов диалектологии [11]. Исследуя феномен диалектной языковой личности, ученые ориентируются на принципы ее описания, уже ставшие традиционными в современной лингвоперсонологии. В частности, это описанный Ю. Н. Карауловым уровневый принцип репрезентации личности, согласно которому языковая личность проявляет себя на трех уровнях:

«1) вербально-семантическом, предполагающем для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2) когнитивном, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой

языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира", отражающую иерархию ценностей;

3) прагматическом, заключающем цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [5].

Весьма перспективным методом описания диалектной языковой личности оказался метод речевого портретирования [6]. Это, по определению Е. В. Иванцовой [3], «плановое описание особенностей языковой личности с учетом всего многообразия параметров, определяющих ее индивидуальность. Вместе с тем описание диалектной языковой личности осложняется и специфическими проблемами, одну из которых – соотношение индивидуально-го и локального – мы хотели бы прокомментировать.

Основная часть.

Разграничение общерусского, территориально ограниченного и окказионального весьма важно для диалектологических исследований различной проблематики: для изучения типологии диалектных различий, описания частных диалектных систем русских говоров, для лексикографической практики. Не случайно многие диалектологические центры современной России от дифференциального принципа описания активно переходят к полной фиксации явлений лексики и грамматики [2], [8], др. Записи устной речи диалектной языковой личности также реализуют принцип полной фиксации, вместе с тем на их основе значительно успешнее решается другая часть этой проблемы: на фоне общерусских и территориально маркированных элементов и отношений достаточно явно обнаруживаются окказиональные образования, предпочитаемые информантом средствами и способы реализации коммуникативных задач.

В качестве примера обратимся к записям речи нашей бабушки М. И. Большаковой, 1937 г.р., уроженки поселка Сармас Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Прокомментируем, как в ее речи сочетаются местные, территориально ограниченные, и индивидуальные особенности.

1. Уровень вербально-семантический. В области фонетики, грамматики, лексики информант демонстрирует очевидные черты восточных севернорусских говоров. (оканье: *робята* и др.; произнесение долгих твердых шипящих: *гушиша*; произнесение звука [ц'] вместо [ч']: *руц'ка*, а также [ч'] вместо [ц]: *курич'а*, *водич'а*; переход [а] в [э] и [э] в [и] под ударением между мягкими согласными: *умили*, *взеть* и другие типичные особенности. С точки зрения грамматики следует отметить характерное для рассматриваемой зоны говоров употребление формы инфинитива на -чи (*испекчи*, *натолкчи*, *берегчи*); особое употребление формы Д.п. мн. ч: *пирогам*, *платьям*, *рукам* и т. д. Информант активно употребляет в речи диалектные слова (*ужна*, *соломат*, *дежень*). В качестве индивидуальных черт мы можем отметить также частое употребление слов «ну», «этова», «эда-

кое», повторение конечных слов предложений и некоторых других: *«Мы в школу э'дак и бегали, босы'е. Э'това... летом-то никакo'ваобу'тку то не было... летом не было. <...>Ну, значит, прибежишь в по'лэ и маме чёво' дак и помога'ёшь»*. Бабушка, понимая значение новых «городских слов» и при необходимости правильно их употребляя, охотно коверкает их в бытовой речи: *плашет* «планшет», *кепчуг* «кетчуп». Часто в диалоге повторяет поставленный вопрос:

– Как в военное время жизнь проходила в деревне?

– *Как жись проходила? Худо. Батько у нас так и не приеш.*

– Что на Баскую ужну (Васильев вечер, старый новый год) готовили раньше?

– *Чёво готовили? Да раньше ведь ничёво не было, чёво было дома, то и ставили на стол.*

2. Уровень когнитивный. Здесь следует обратить внимание на тематику общения информанта, круг объектов словесного описания, позиционируемые нашим собеседником ценности, принимая во внимание личную историю человека и его семьи.

Чаще всего тематика общения с М. И. Большаковой ограничивается сферой крестьянской кухни и быта, а также рассказами о своем прошлом. При свободе выбора темы бабушка почти всегда рассуждает именно об этом. Реже рассказывает о каких-либо человеческих отношениях и т. п.

Раньше с малолетства в поле работали. Когда маленькие совсем были, то ничего не умеешь – ни лошадь запрягчи, ни боронить. С нам всегда старшие ребята ходили. Они запрягут лошадь, нас подсадят. Мы или на лошади сидим с привязанными ногами или по-за бороне ходим.

Наибольшую похвалу наша собеседница постоянно связывает с именем одного из уважаемых ею односельчан («Галина Алексеевна, покоёнка, и то говорила, что ты учиться хорошо будёшь, а она ведь ешио матку учила у тебя»).

3. Уровень мотивационный. При его анализе следует принимать во внимание цели и установки речи, речевые тактики включения-выхода из коммуникации, согласия-несогласия с собеседником, кодовые переключения в системе диалектной диглоссии и проч.). Например, бабушка дистанцируется от разговоров о судьбе своего мужа, который покончил жизнь самоубийством, не рассказывает об этом никаких подробностей, а если ее вынуждают включиться в разговор на эту тему, сдержанно акцентирует внимание на своем эмоциональном состоянии («С мужиком-то эдак сделалось дак я боелась спать одна, Надька с Иваном у меня долго спали») и после короткой паузы переходит на другую тему.

Также бабушка «замалчивает» темы, касающиеся поминальных и похоронных обрядов. Например, *«Бабушка, зачем зеркала закрывают, когда человек умирает?»* – (пауза, заминка) *«Зачем закрывают? Не знаю, принято эдак»* и т. п. С точки зрения мотивационной также следует отметить те истории, которые значимы для информанта. Например, всегда при встрече со своей внучкой рассказывает ей о рождении:

Тебя когда из роддома-то привезли, дак ты на долонь мне уходила. Какая маленькая была! И мыть-то тебя matka боялась, я всё мыла.

Также важно в данной позиции отметить ситуации разговора, в которых выражается согласие-несогласие с собеседником. Наш информант почти никогда не участвует в спорах, не выражает навязчиво свое несогласие с чем-либо.

Здесь же важно обратить внимание на кодовые переключения в системе диалектной диглоссии. В отличие от билингвизма, при котором в каком-либо обществе сосуществуют два языка, один из которых языков со временем вытесняет другой, а между двумя языками существует четкое распределение функций, внутриязыковая диглоссия определяется ситуацией или сферой общения, говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации. В условиях диалектного общения местный говор используется, как правило, в общении со старшими членами семьи, с односельчанами (обычно с представителями более старшего возраста, не являющимися представителями официальной власти). При переключении с диалекта на литературный язык (так же, как с одного стиля на другой) действуют так называемые "вертикальные" правила совместной встречаемости языковых элементов всех лингвистических ярусов. Такое переключение называется полным. Когда же говорящий владеет другой подсистемой недостаточно, происходит неполное переключение, при котором "вертикальные" правила совместной встречаемости не выполняются.

В ходе нашего общения с М. И. Большаковой ситуацию диглоссии мы наблюдали неоднократно. Наш информант в различных коммуникативных ситуациях стремился пользоваться разными функциональными вариантами языка. Например, в разговоре со своими дочерьми, тоже жителями села, бабушка разговаривает, активно используя диалектную лексику: *«Ты вехотку возьми да перестав с печи папы-рю, а не то скипит. Спину ноне настудила дак пышкать не даёт прямо»*. Обращаясь в этой же беседе к родственникам из города, наша собеседница уже не использует местных слов: *«Вы довго ехали, мы ждали да ждали. Возьми вот это блюдо да чаю в ево и налей»*. Внутриязыковое переключение, как мы могли наблюдать, в основном затрагивает в речи нашего информанта лексический уровень, что же каса-

ется фонетических и грамматических переключений, то нами была отмечена лишь непродолжительная по времени замена безударных «о» на «а» с целью подражания «городскому» акающему произношению.

Выводы.

В процессе изучения записей речи диалектной языковой личности мы задумываемся о том, какие особенности речи информанта в целом свойственны жителям определенной местности, а такие являются порождением его речевой индивидуальности. В выборе решения нас могут убедить, во-первых, знание экстралингвистической информации о человеке, его авто- и гетерохарактеристики, во-вторых, сравнение практики его речевой деятельности с речью других членов семьи, а также ровесников-односельчан, и, в-третьих, опыт знакомства с опытами изучения языковой личности жителей разных территорий России, представителей разных профессиональных сообществ и социальных групп.

Литература

1. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984.
2. Вершининский словарь: в 7 т. / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск, 1998–2002.
3. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002.
4. Карасик, В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., 2004.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
6. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1995.
7. Нефедова, Е. А. Экспрессивный словарь диалектной лексики / Е. А. Нефедова. – М., 2001.
8. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря / Е. М. Пантелеева. – Томск, 1982.
9. Тимофеев, В. П. Диалектный словарь личности / В. П. Тимофеев – Шадринск, 1971.
10. Толстова, Г. А. Старобрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Толстова. – Красноярск, 2007.
11. Трубинский, В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем / В. И. Трубинский. – СПб.; М., 2004.